

Бабка не выдержала

В полдень Жуань Сюлянь велела старшей невестке сварить грубый рис и подать вчерашние остатки. Сама же отправилась на кухню, приготовила белую рисовую кашу и сварила яйца, после чего позвала младшую дочь отнести всё в западную комнату.

— Мама, Ся гэр тоже хочет яйцо, — поднял на неё личико мальчик, потянув за одежду.

— А тебе-то зачем? — Тан Чуньсин бросила взгляд в сторону западной комнаты и повысила голос. — Ты простой деревенский мальчишка, думаешь, тебе положено есть яйца? Твой дядя — не чета тебе, он драгоценный гость из города.

Жуань Сюлянь в кухне как раз резала соленья и, услышав это, крикнула во двор:

— Перестань язвить. Когда Ся гэр болел, разве мы не готовили для него отдельно?

Тан Чуньсин тут же сменила тон и натянула улыбку:

— Мама, я ничего такого не имела в виду, просто сказала. Вы же знаете меня — язык острый, а сердце доброе. Я больше всех переживаю за младшего зятя.

И правда, у старшей невестки язык был колкий, но сердце — не злое, хотя временами она могла сильно раздражать.

Жуань Сюлянь не стала больше обращать на неё внимания и поманила Ся гэра:

— Ся гэр, иди сюда, бабушка тебе наложит белой каши.

— Хорошо!

Во дворе снова стало тихо. В западной комнате Лю Сяомэй заметила, что зять почти не ест, и подумала, что это из-за слов старшей невестки. Она поспешила утешить его:

— Старшая невестка любит болтать, но она не плохой человек. Не принимайте её слова близко к сердцу, пропускайте мимо ушей.

Сун Тинчжу с детства привык к подобным словам, так что не обиделся. Просто у него не было аппетита.

Он заставил себя съесть полмиски каши, выпил лекарство и провёл весь день в полудрёме. Когда он снова открыл глаза, то увидел, что Лю Ху уже вернулся домой и стоит у шкафа, переодеваясь.

Мужчина был высокий, крепкий, с широкими плечами и узкой талией — явно привыкший к тяжёлому труду. Сун Тинчжу же, долгие годы прикованный к постели, не имел ни малейших мышц — лишь мягкая слабая плоть на талии, что, впрочем, из-за его худобы почти не бросалось в глаза.

— Жена, я нашёл работу. Когда получу плату, куплю тебе сладости.

Сун Тинчжу вздрогнул, осознав, что всё это время смотрел на его тело, и покраснел.

Он отвёл взгляд и неловко сказал:

— Я не Ся гэр, мне не нужны сладости, чтобы меня уговаривали.

Тёмные глаза Лю Ху уставились на него:

— Тогда куплю тебе выпечку из «Сыфан Чжай». Все в городе говорят, что она вкусная.

Сун Тинчжу тихо согласился и сменил тему:

— Какую работу ты сегодня нашёл?

— Копать фундамент и строить дом для богатой семьи. Платят сорок пять монет в день и кормят обедом. — На его простом лице появилась радостная улыбка. — Обычно дают максимум тридцать пять-шесть без еды, так что на этом можно хорошо сэкономить.

Сун Тинчжу нахмурился.

Сейчас стоит лютый мороз — как же они будут копать промёрзшую землю?

Лю Ху не заметил его тревоги и отправился на кухню за горячей водой для мытья ног.

— Лекарство уже готово. Как согреешься, я принесу.

Он присел и потянулся к его ноге.

Сун Тинчжу инстинктивно отдернул её под одеяло. Увидев на лице мужчины обиду, он отвёл взгляд:

— Не думай лишнего... я просто не привык.

Он приподнял одеяло:

— Дай тряпку, я сам.

Лю Ху намочил её в воде:

— Давай я. Ты моя жена, я хочу заботиться о тебе.

Каждое слово «жена» заставляло уши Сун Тинчжу пылать, но возразить он не мог. Пусть помолвка изначально была не для него, но они уже совершили обряд — теперь он был мужем Лю Ху.

Он не мог исполнить супружеский долг из-за болезни. Но если жизнь семьи Лю наладится и он всё ещё будет жив, он найдёт для Лю Ху хорошую девушку. А если умрёт...

Сун Тинчжу опустил взгляд, и в сердце вдруг появилось нежелание.

— Жена, вода слишком горячая?

Он с трудом ответил:

— В самый раз.

Всего за два дня... а ему уже не хочется расставаться. Когда этот день придёт — что он будет делать?

Когда вода в тазу остыла, Лю Ху аккуратно поднял его ноги себе на колени, вытер насухо и укутал обратно в одеяло.

— Пойду принесу лекарство.

Он вернулся с лекарством и чашкой сладкого настоя с яйцом.

— Сяомэй сказала, ты почти не ел днём. Тебе снова плохо? — нахмурился он. — Может, позвать доктора Ляна?

— Не нужно. — Сун Тинчжу взял миску с лекарством. — Просто не было аппетита, сейчас всё нормально.

Лю Ху всё ещё переживал, пока не увидел, как он выпил сладкий настой, и только тогда немного успокоился.

— Завтра мне нужно рано уйти в город на работу, вернусь вечером. Отец и старший брат тоже не дома, мама с невесткой поедут продавать овощи. Если что понадобится — попроси Сяомэй.

— Хорошо.

Ночью поднялся сильный ветер. Глинобитный дом семьи Лю, построенный много лет назад, скрипел под порывами, щели в дверях и окнах пропускали холод, пронизывая до костей.

Сун Тинчжу и без того плохо спал, а с таким ветром заснуть было ещё труднее. Он дрожал под одеялом, когда вдруг оказался в тёплых объятиях.

— Спи, я рядом, — тихо сказал мужчина.

Не думая ни о чём, Сун Тинчжу ощутил лишь одно —

Тепло...

—

На следующий день его разбудил резкий голос во дворе:

— Ах ты мелкий негодник! Я тебе бабка, почему не пускаешь меня?

— Это приданое зятя, его нельзя брать!

Бабка Лю, оперев руки в бока, давила своим старшинством:

— Почему нельзя? Пусть семья и разделилась, но я всё равно твоя бабка. Ты, соплячка, нарываешься на побои?

Лю Сяомэй боялась, что бабка позовёт старшего дядю и её отругают, но всё равно не отступала, защищая приданое зятя. Ся гэр вцепился в неё, ухватившись за дверной косяк, и вместе с ней упрямо преграждал путь.

Увидев это, бабка Лю закатала рукава и выругалась:

— Два дармоеда, думаете, я с вами не справлюсь?!

Хоть Лю Цуйхуа и была в возрасте, жила она сыто и была крепка — куда сильнее обычной старухи. Двое детей не могли её остановить, и вскоре она, схватив их за руки, просто вышвырнула во двор.

— Бабушка, нельзя брать, это приданое зятя!

— Бабушка, не бери, у-у-у...

Ся гэр был маленький и лёгкий — его швырнули на землю, и он расплакался от боли. Лю Сяомэй не успела его утешить, вскочила и, крича, бросилась обратно в дом.

— Отойди! Я тебе бабка, я и Мэн-цзы с Ху-цзы бабка. Раз Ху-цзы женился, он должен прежде всего быть почтительным ко мне, старшей! Твоему двоюродному брату весной сдавать уездный экзамен, ему нужны деньги — как раз на дорогу Юйшу!

В потасовке бабка Лю грубо оттолкнула Сяомэй. Та налетела на кучу дров — с грохотом всё разлетелось. Ся гэр перепугался и, плача, побежал в западную комнату.

— Дядя, бабушка обижает тётю... у-у...

Сун Тинчжу только что оделся и собирался выйти посмотреть, что происходит, как вдруг Ся гэр врезался в него.

Он опустился на колени и мягко обнял мальчика:

— Не бойся, Ся гэр, дядя здесь.

Из кладовой всё ещё доносились крики, голос Сяомэй дрожал от слёз. Боясь, что кто-то пострадает, Сун Тинчжу, преодолевая слабость, взял Ся гэра за руку и вышел во двор.

— Сяомэй.

Лю Сяомэй стояла перед деревянным сундуком, не подпуская бабку. Услышав его голос, она тут же подбежала и поддержала его.

Видя, что никто больше не мешает, бабка Лю поспешно открыла сундук.

— Зять, твоё приданое... — глаза Сяомэй покраснели от злости.

— Ничего, пусть берёт, — Сун Тинчжу нахмурился, коснувшись красной царапины на её щеке.

— Ты не ушиблась?

Лю Сяомэй покачала головой:

— Это я утром поцарапалась о дрова, когда помогала маме у печи.

Она обернулась и сердито уставилась на бабку, боясь, что та что-нибудь утащит.

— Зять, бабушка роется в твоих вещах!

— Пусть смотрит, — Сун Тинчжу бросил взгляд в кладовую, совершенно не переживая. Зная характер госпожи Сун, он не верил, что там могли оставить что-то ценное.

И правда, бабка Лю перерыла все четыре больших сундука, но не нашла ничего стоящего. Её

лицо, ещё недавно довольное, тут же вытянулось, будто ей кто-то задолжал крупную сумму.

Не желая сдаваться, она посмотрела в сторону главной комнаты и спросила:

— Это ваша мать спрятала всё ценное?

Лю Сяомэй сердито ответила:

— Приданое зятя всегда лежало в кладовой, мама к нему не прикасалась!

— Он ведь молодой господин из богатой семьи. Пусть и незаконнорождённый, но хоть какие-то деньги у него должны быть... Или, может, не дали, потому что он всё равно скоро помрёт? — пробормотала бабка Лю.

Сун Тинчжу не расслышал точно, но смысл был понятен. Держа детей за руки, он не стал обращать внимания на её язвительные слова. Когда она ушла, он попросил Сяомэй помочь ему зайти в кладовую. Увидев сундуки, полные книг, которые собирала для него мать, он облегчённо вздохнул.

Он боялся, что госпожа Сун могла заменить книги камнями, но, к счастью, его старые книги никому не были нужны.

— Кхе-кхе...

Лю Сяомэй, заметив его бледное лицо, нахмурилась:

— Зять, давай я помогу тебе вернуться в комнату.

— Хорошо.

Ся гэр потянул его за одежду и вместе с ними пошёл в западную комнату. Перепуганный ребёнок выглядел вялым, волосы растрепались и поникли — вид у него был совсем унылый.

— Сяомэй, принеси деревянный гребень, — Сун Тинчжу сел на кровать и позвал Ся гэра к себе.

Лю Сяомэй быстро принесла гребень:

— Зять, вот.

Она уселась на маленький табурет рядом с кроватью, подперев подбородок руками, и с интересом наблюдала, как он собирается расчёсывать Ся гэра. Прошло немного времени, но он так и не начал, и ей стало любопытно.

Неужели зять знает слишком много причёсок и не может выбрать?

Сун Тинчжу держал гребень, рука уже начинала болеть, но он всё ещё не понимал, с чего начать.

В доме Сун его всегда причёсывали бабушка Лю, Цин Хэ и Хунмэй — сам он этим никогда не занимался. Ему казалось, что расчёсывать волосы легко, но теперь он понял, что это вовсе не так просто.

После долгих колебаний он заплёл Ся гэру самый простой двойной пучок.

Глаза мальчика загорелись, он покрутил головой:

— Тётя, Ся гэр красивый?

Лю Сяомэй оглядела его со всех сторон, заметила слегка покрасневшие уши зятя и энергично закивала:

— Очень красивый! Даже лучше, чем у городского парикмахера!

<http://bllate.org/book/17218/1613492>